

2026

ЛЮДИ ЗЕМЛЯ ВСТРЕЧИ

Геннадий
Колодкин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Геннадий Колодкин
Люди Земля Встречи

«Автор»

2026

Колодкин Г.

Люди Земля Встречи / Г. Колодкин — «Автор», 2026

Перестройка дарит мысли. Много мыслей. Тетрадь за тетрадью. Потоки. Здорово! Страшно! Тошно от страшности. И радостно от того, что мир меняется. А вместе с миром изменяюсь и я. Да так - что периодически впадаю в шок. И думаю, что все, что умираю, что уже не впишусь в повороты событий, что опоздал, что заблудился. Черт-те что лезет в воспаленную голову. Сердце стучит - да так, что стрелка тонометра пугает супругу, - и та пичкает меня таблеткой и валерьянкой. Я то умираю, то воскресаю, снова и опять готов умереть. Но тяга к жизни криком кричит во мне. Кричит! Как не кричала прежде. И вот уже депрессия сменилась восторгом, вот-вот - и я запою хвалу Пестроте!.. Вот так живу. Живу! А кто-то переубеждает опять меня, что мир рухнул и никогда не поднимется. Поднимется. По крайней мере - во мне он встает твердо на свои обе ноги.

© Колодкин Г., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Колодкин

Люди Земля Встречи

**ЛЮДИ
ЗЕМЛЯ
ВСТРЕЧИ**

Мелкая лирика

СОННЫМ РОСЧЕРКОМ

За окном горизонтальная нить ночной степи. Да кривая луна сквозь тучи. На стекле – отражение моего лица.

Просвистел встречный, прогромыхал – и умчался своим маршрутом. На перроне ослепил прожектор: «Поспать бы. Просто поспать. Просто поспать...»

Храп соседа напоминает жужжание мухи в спичечном коробке. Я сижу закрыв глаза. Мой приятель напротив:

– Ген, глянь, луна-то полная!

– Не полная. Кривая.

– Пол – ная! Я за ней давно наблюдаю. Кстати, от нее мы ой как зависим!

– Как?

– Не было б луны, он не храпел бы: мол – чал бы!

– Короче так, ты будешь бодрствовать, а я присну. Чуть – чуть. Ес?

– Ты знаешь!

– Не знаю. Я спать хочу.

И снова загремели, как пустые ведра, сцепки. Столбы поплыли назад. Название плохо освещенной станции не разобрать, как ни шурься:

«Нынче у тети Фроси коза отелилась... Отелилась. Окозлилась. Окотилась. А как правильно? Спонтанная фраза. Зачем? Кто знает. Зачем кто-то спит, а кто-то не спит. Просто одному это надо, а другому – ни фиги. И через пятнадцать минут среда. Так-то.

Спроси меня сейчас, зачем еду – вряд ли отвечу. Еду. А отвечу – когда вернусь».

ЖИВУ!

Перестройка дарит мысли. Много мыслей. Тетрадь за тетрадь. Потоки. Здорово! Страшно! Тошно от страшно. И радостно от того, что мир меняется. А вместе с миром изменяюсь и я. Да так – что периодически впадаю в шок. И думаю, что все, что умираю, что уже не впишусь в повороты событий, что опоздал, что заблудился. Черт-те что лезет в воспаленную голову. Сердце стучит – да так, что стрелка тонометра пугает супругу, – и та пичкает меня таблеткой и валерьянкой. Я то умираю, то воскресаю, снова и опять готов умереть. Но тяга к жизни криком кричит во мне. Кричит! Как не кричала прежде. И вот уже депрессия сменилась восторгом, вот-вот – и я запою хвалу Пестроту!..

Вот так живу. Живу! А кто-то переубеждает опять меня, что мир рухнул и никогда не поднимется. Поднимется. По крайней мере – во мне он встанет твердо на свои обе ноги.

Март 1994 года

МОЙ ГОРОД
Аллегория

В моем Городе кривые дома. К вечеру они – глупые. Ночью – грустные.

В моем Городе не встретишь людей: смотришь на людей сквозь мутные окна – а видишь тени.

Куда подевались люди, спросите вы? Они растворились в кривых кварталах.

А в квартале дворников работают дворники. Утром и вечером они метут с тротуаров пыль. Они метут сухими метлами и поднимают пыль с тротуаров. Пыль садится на их потные лица и волосы. А когда дворники идут отдыхать, пыль ложится снова на тротуары. И потому у дворников много работы и мало радости. Сказки о дворниках всегда немного печальны.

А в квартале мясников опять зима. Белые мухи садятся в жаркий день и не тают. Не пишите сказки летом. Пишите зимой. Зимой сказки теплей. И потому я пишу сказки среди мясников. Там зима.

«Ножи наши острые, – хвастаются всегда мясники, – мы каждый день и час точим их старательно о свои шершавые, как наждак, языки. Вот потрогайте!» И они вываливают передо мною свои красные языки. Они демонстрируют их всегда в такой близости от моего лица, что я невольно и брезгливо дрожу. Тогда, чтобы доставить себе удовольствие, они достают разделочные ножи и чиркают о свои языки. Впечатляюще высекая искры, металл издает свой ужасный раздирающий звук. На физиономиях мясников восходят улыбки, а с отвислых губ скатывается слюна.

«Мы питаемся исключительно духовной пищей!» – заверяют всегда мясники. Почему «духовной»? Может, они не знают огня и готовят свои обеды в душных электрических духовках? Мой вопрос пока не нашел своего ответа. Сказки же о самих мясниках не пишутся.

А под карнизами домов живут ласточки. У них птенцы и настоящее сердце. Если на свете есть Любовь – она селится под карнизами. Так говорят ласточки. Я верю им.

А почему бы не так. Так. Тик – так – отбивают на башне часы. Должно быть, и в часах поселилась Любовь. И если я кого-то люблю, то этому прежде обязан часам и ласточкам.

«Любовь – это курица, которая умом дурна, зато вкусна, и при этом немного костлява». Так говорят мясники. И с их толстых отвислых губ скатывается слюна.

«А первое правило всех глупых обжор то, что они не прочь дружить с мясниками. А мяснику надо что: корм, язык и острый нож. И при этом число глупых обжор катастрофически разрастается». Так говорят дворники и уходят снова мести тротуары.

Нет!

Любовь – это необъяснимо! Любят – потому что любят! Любят – потому что умеют любить! Так можно до слез рассмешить мясников.

Зато в моем Городе есть огромный (сразу за домами) пустырь. Там раньше селились собаки. И там, наверное, тоже жила Любовь.

Но мясники прогнали бездомных и привели стада своих свиней. Они водят их на дорогих поводках. Разве Любовь и поводок совместимы? Даже если поводок золотой.

Самые правдивые сказки знает пустырь, где когда-то селились собаки. Собаки, в отличие от людей, так и не научились лгать.

Вы знаете что есть Любовь? Тогда попробуйте спеть, чтобы вас услышали ласточки. Если ласточки вам подпоют, вы знаете.

Нет! Оставьте. Боюсь, вы распугаете ласточек. Пусть в моем Городе не будет Любви, но будут ласточки. Пусть, глядя на ласточек, я буду верить, что когда-то и среди людей жила Любовь.

Сутки в Городе начинается Вечер. Наступает час, и в мою дверь начинают стучать.

– Ты? – с удивлением говорю всякий раз я.

– Паршивый город, не правда ли? – говорит Вечер. – Сырой и мертвый.

Я не могу согласиться. А Вечер не обращает внимания на возразительный тон.

– Он весь какой-то бутафорский, как сцена театрального спектакля, в котором играет труппа сумасшедших во главе с режиссером без дара, – говорит Вечер. Он снова задел за больное.

– Они питаются мертвым мясом Великого Эго. Они расчлениют умело его полуистлевшее тело и выгрызают лакомые (на их вкус) куски мертвой ткани, – говорит Вечер о мясниках.

– Выходит, они когда-нибудь съедят моих ласточек? – ищет ответ мой вопрос.

– Есть поле вопросов, на котором сеют, – продолжает Вечер. – Есть поле ответов, на котором жнут. Чудно, однако, лишь то, что оба поля отдалены одно от другого расстоянием. К первому можно добраться и за полчаса, к полю второму можно не добраться и за двадцать лет.

Сказки о Вечере отчего-то пишутся чаще всего.

И еще у сказок бывает начало, но никогда не бывает конца. Ласточки летают за моря и возвращаются, принося каждый раз на крыльях новые главы. В тех главах не бывает печали. Выходит, ласточки так мудры, если свою печаль, улетая, уносят с собой. Печаль приходит вместе с пылью дворников.

1993 год

Я ХОЧУ БЫТЬ ПТИЦЕЙ !

МОЙ ГОРОД начинается с кнопки:

Восьмой!.. Седьмой!.. Пятый!..

Лифт опускает меня в мой Город.

Там слева – Бетон. Там справа – Бетон.

Там под ногами и впереди!

Там неба неровный клочок зажат Бетоном.

Живые деревья там растут в мертвом Бетоне.

Живое в тисках Бетона там смотрит жадно в небо.

И Я по колее бетонной спешу.

Не Я!

Я подчинен Бетону.

Влево, вправо – Я подчинен!

Он думает за меня – не Я.

Часы на руке: тик-так! Они заодно с Бетоном.

Кто Я? Кто Я!

Но серый Бетон молчит. Кто Я!

Бетон безразличен к моим вопросам.

– Ты – челнок! (*Слышу эхо*).

– Я?

– Да-да!

Я – ЧЕЛНОК!

Свои действия, свои поступки, свой жизненный ритм и стиль определяю не Я. И то, что Я здесь сейчас, – это не результат моей воли. И то, что через час Я буду там-то, это не каприз моей воли. Люди-муравьи, спешащие по лабиринту Бетона, на каждый вопрос «Зачем?» автоматически всегда отвечают: «Надо!»

Надо?

«Надо», – отвечают люди и продолжают лихорадочный бег: работа – квартира – работа – квартира...

Я механический челнок! В чреве моем, должно быть, спрятана тугая пружина: работа – квартира – работа – работа – квартира!

Зачем?

Так надо.
Нет!
Я ХОЧУ БЫТЬ ПТИЦЕЙ.

ЗЕЛЕНый ПОЕЗД

По плоской равнине стучит своим железом общий вагон. Возможно, твое место значится под номером тридцать шесть. Под номерами другими едут в вагоне другие люди. Под тобой и ими качается железный путь. И даже ветер за окном пропитан машинным маслом. Даже шепот соседки – «который сейчас час?» – уводит тебя от твоих проблем. Ты не ты. Два часа назад ты был тем-то и тем-то, теперь ты не ты. Тебе хочется благодарить железный поезд: как чудно! как славно! ты вырвался из автоматизма города! как просто! как невероятно просто вырваться из наскучившей колеи, просто усевшись в поезд. Ты не ты. И что-то другое оживает в тебе. В тебе появляются давно спящие чувства. Приходят робко давно забытые твои желания. Ты можешь просто лежать, щекою уткнувшись в верхнюю полку. И писать в блокнот то, что ты хочешь писать. Нет ни оглядки, нет ни телефонных звонков, недовольных, раздраженных, требующих, просящих, обязывающих. Но странные строчки ложатся в блокнот. И снова кто-то скажет, что написаны они сумасшедшим. Что тем людям ответить тебе? А надо ли? Да-да, нет, не надо. Ты стал похож на беглеца. Да-да, ты беглец. Ты бежишь. И ты кричишь на бегу. Всею, что тебе навстречу, ты с восторгом кричишь. Ты готов обнять каждого встречного. Ты желаешь расцеловать каждого встречного. Встреча. Встречи. Встречи справа. Встречи слева. Встречи за окном. Встречи во всем. Словно разорвался нелепый порочный круг. Круг лопнул, как мыльный шар. Ха-ха! Там, в городе твоих проблем, этот круг мыслился тебе упругим, вечным, прочным. И он лопнул, как мыльный шар. Только лишь ты сел в качающейся зеленый поезд.

ВЕСНА. КОНТРАСТЫ

КОНТРАСТЫ – это когда весна, а у вас на душе опять по-зимнему. Это – когда прилетели в поля грачи, а в вашу квартиру явился пьяный приятель. И хочется, хочется говорить о весне! А он говорит о своем. Все о своем. Будто и не вернулись грачи. Что-то точит его, мешая дышать со всеми весной.

Мир – загадка. Но и здесь встречается настоящая Радость. Ищи ее. Найдешь – храни. Счастье – это когда нашел, любишь и сохранил. Счастье – это когда в сложном мире не заблудился ты, остался самим собой!

1995 год

ЗВОНКИЙ МИР

А ЗНАЕШЬ, да все нормально. Мир стал звонче, он будоражит умы своей новизной. После плоского, одномерного нынешняя пестрота приводит нас просто в шок. Но разве не это призывали мы? Это. Это. Это! Именно это! А когда Оно наступило, когда пришло, мы просто не узнали, мы боимся поверить глазам.

Шок. Шок от новизны. Путаются понятия в голове, новые вторгаются в нас – причем воинственно, агрессивно, – и этот темперамент тоже из категории новизны.

Ой-ля-ля! Я так запутался в собственных чувствах! Бедный, бедный дядя Ваня, он даже весною говорит о коварстве врагов. К черту врагов! Хвала Весне!!!

НОКТЮРН

КОГДА уляжется буря, мы выйдем на испуганный притихший берег. И станем собирать чудесные раковины. В тех раковинах мы обязательно обнаружим жемчужины. Сбудется многое, о чем мечтали мы. Очень скоро.

ЧАС ПИК

КОГДА хочешь лежать – ложись, лежи. Когда захочешь писать – садись, пиши. Не пиши, когда самое время валять дурака. Весна на дворе: какие строчки?

УХОДЯ, НЕ ПРОЩАЙСЯ

Эссе

Грэй...
Я курил и смотрел в окно.
Пришел сын:
– Все, – сказал сын.
Я сразу не понял. Затем догадался.
Сын оставил нас вдвоем.
Слезы, слезы, мои слезы текли рекой. Я лишь стеснялся, чтобы их слышали.
Грэй был еще теплый и мягкий, как живой, – он был все еще Грэем. Только его сердце перестало стучать.
Я плакал в окно.
Грэй...
Он скулил от боли только вначале. Живот его был перевязан тряпкой, чтобы остановилась кровь.
Потом была ночь.
Потом пришел день.
Он лежал на моей постели. Я видел, что он в этот день умрет.
Боль. Ее нельзя описать словами. Боль – это когда умирает друг. Остаются приятели. И оттого что этого мало – боль.
Если я когда-нибудь напишу о Грэе, это будет повесть о человеческом Чувстве. Это не обозначается словом Любовь. Любовь есть производная чувства. Последнее по размерам больше.
И чувству не нужны слова. Мы любили и понимали друг друга без слов. Когда люди изобрели слова, они разучились по-настоящему друг друга любить. Самое лживое слово, произнесенное вслух, – «люблю».
Грэй... Мы с ним даже не попрощались. Уходя, не прощайся, но помни всех. Такое правило. Но так умел уходить только Грэй...

1993 год

КУВАЛДА

Ассоциативное

...Но толпы неугомонных просителей заполонили улицы. Они решили, что Грядущий день раздавальщик. Многоголосый ДАЙ! изрезал слух.

«У вас есть руки, – будь я в силе, будь я на месте живого Бога, сказал бы я, – есть руки. Что просите вы еще? Идите же и создавайте!»

Они вытаращили на затылках свои глаза и высверлили ими завьюженный горизонт. «Где наш дух?» – истязают теперь вопросами они меня.

Они мыслят пищеварительно. Они мыслят стадно. Они спорят с эхом и только здесь остаются абсолютно правы. И заметьте, они требуют осязаемой радости! А истины им диктуют из гробов их кумиры. Я не могу втолковать: «Ваш дух, – отвечаю им я, – ушел погулять!»

Тогда в отместку на мою иронию они растревожили своих и чужих мертвецов. Они вызволили из могил замшелых идолов и стали хороводом кружить вокруг.

«Послушайте!» – протестую я.

«Какую силу таит нелепость?» – шурясь в происходящее, зашамкали беззубыми ртами их мудрецы. Из нелепости они надеются извлечь эликсиры, которые взбодрят их червивый ум.

«Послушайте!»

«А верно, чтобы увидеть звезды, надо тучи веником распугать?» – обращаются они к мудрецам. «Верно», – отвечают им их мудрецы.

«Послушайте! – раздражаюсь все больше я, – если вы так хотите вернуться, спешите вперед – земля ведь круглая». Они боятся поверить.

На площадь они выволокли крест. На нем очередной мертвец. Его подкармливали из рук. Он жрал ребенка.

«Отнимите! – я кричал им в сквозные уши, – иначе он окрепнет и встанет!»

Они содрали его с креста, оставив на кресте с гвоздями его ладони. Он так истошно орал и стучал костями о крест, что растревожил в округе ворон. Они расправили мускулистые крылья, слетелись на площадь – и выклевали им всем глаза.

«Вам нужен дворник, который выметит опилки ваших голов», – заметил я.

«Нам нужен веник, – возражают они, – дайте веник! которым мы распугаем врагов». И их губы тянулись в поцелуе к скользкому праху. А идеи ниспускали им их враги. (Мертвая вера – кувалда для инфантильных голов). И их руки продолжали подтаскивать прах.

Будь я в силе, будь я на месте живого Бога, я бы негодуя швырнул с небес:

«Эй, вы – целовальщики ног! не способные по-настоящему даже рыдать – ваши омерзительные поцелуи смердят! Да и какому небу кривляете вы свои пустые глазницы! К какому Богу простираете руки вы! Не вы ли вчера изжили живого Иисуса на своих безумных кострах!»

Но задыхаясь в зловонном чаду, они молили указать им окна, открыв которые они смогли бы насладиться весенней свежестью. Но те окна, на которые указал полуистлевший уродец, смотрели – в землю.

По улицам отныне они катают коляску, в ней безногий калека держит на руках клетку – в клетке молчаливая курица. Они утверждают, это их дух. И клетка без дверцы.

Май 1994 года

АБСУРДИЗМЫ

Долой контекст!

1.

Летел аэроплан: трык – трык – трык!

Летел среди облаков: дзынь! дзынь! дзынь!

Летел над землей: о – о – о!!

И над лесами: у – у – у!!!

И над сараями: эй, Федя!

2.

Какой-то почтенный в лифте застрял. И тарбанит. И тарбанит!

Час тарабанит. Два тарабанит. День тарабанит.
К вечеру замолчал. К вечеру второго дня.

3. ЗАГАДКА

Жил да бы. Кто – не зна. Шел он к. Возможно, к ба.
Ба жила у него за лесом. Пекла она п. Возможно, с.
А в том лесу жил в. Возможно, во. Возможно, вол.
Возможно, вы. Возможно, сы.

ОТГАДКА

Возможно, сы.

4.

Тараканы достали!
Схватил топор и гранату – и за гадом!
А он юрк под стол. И мне из под стола:
ку – ку!
А я: на! – топором, на! – гранатой.
Таракан из под стола испуганно:
Юр, ты чо!?

5.

Вода из крана: **кап – кап.** Встал, пошел, закрутил.
Часы над ухом: **тынь... тынь.** Встал, пошел, выдернул батарейку.
Из форточки: **у – у! би – би!** В оба уха вставил по килограмму ваты.
Голову вместе с ушами подушкой накрыл.
Да заснул. Да приснился сон:
Вода из крана: кап – кап.
Часы над ухом: тынь... тынь.
А из форточки: у-у! би – би!

СТАНДАРТ и ЧУДО

Современная сказка

1.

ВЫ, КОНЕЧНО, знакомы с новыми микрорайонами городов. Здесь все типовое, начиная от многоэтажных серых коробок-домов. Населяют этот стандартизированный муравейник люди, которые совершенно не знают друг друга и не пытаются это делать. Люди, которые до невозможного перегружены всяческими проблемами, которым всегда не хватает денег, не хватает возможностей реализовать свои желания.

В разговоре они плачутся, зайдя в автобус – ругаются. В гастрономе их обсчитывают продавцы – они слишком не огорчаются, неисправен в доме лифт – они привычно идут пешком, в водопроводном кране свистит воздух – всегда имеется запас воды. Все привычно, все в пределах нормы, на все стандартные вопросы заранее подготовлены стандартные ответы.

В стандартном мире живут милые стандартные люди, и счастье их гарантировано прочностью оболочки Стандарта.

Все, что за рамками стандарта, обозначено словом **ПЛОХО**. Все, что уместилось в рамки, – словом **ХОРОШО**.

Иногда, набрав побольше смелости, выглядывают они из своей уютной скорлупы, но тут же страх Неизвестности, выступающий на их лицах под маской благоразумного Сомне-

ния, шепчет в настороженное ухо: как бы чего не вышло. Как бы чего не вышло, – послушно повторяют уста. Оболочка захлопывается, и снова жизнь течет безмятежно в рамках ПЛОХО – ХОРОШО.

Согласно тому же порядку, в любом микрорайоне есть пустырь. Обыкновенный пустырь, на котором пока растет сорняк, пока нет асфальта, зато уже есть мусор. И еще на пустыре живут собаки. Разумеется, бездомные.

И вот однажды у одной бездомной собаки появился хозяин.

Это был мальчик пяти лет с красивыми голубыми глазами. Собака же была самая что ни на есть обыкновенная дворняга. Сбитая от неухоженности шерсть свисала безобразными клочками со спины и лап. В шерсти позапуталось столько мелких колючек, что самостоятельные попытки их выгрызть только привели ее к еще большей неприглядности.

Обыкновенно бездомные собаки предпочитают держаться компании себе подобных, что облегчает их существование. Глаза их всегда выражают готовность что-нибудь съесть.

Эта же почему-то всегда была одна, и глаза ее выражали грусть. Это была одинокая и грустная собака. И еще она была ласковой и верной собакой.

Мальчик под кучей строительного мусора, без которого нельзя представить пустырь, устроил ей небольшое жилище, где она и ждала его каждый день.

Он приходил и приносил с собой кусочки своего обеда. Он называл ее ласково Джекой. Они вместе гуляли по пустырю, и мальчик рассказывал ей свои самые сокровенные тайны. Она внимательно смотрела в его глаза и слушала. А потом она провожала его до самого подъезда, где жил мальчик, и ожидание следующей встречи давало ее жизни смысл.

А однажды он принес свою расческу и большие ножницы. В этот день он был ее парикмахером. Она сидела смирно и терпеливо сносила все неумелые действия друга. Он вычесывал из ее шерсти колючки и обрезал ножницами спутанные сосульки шерсти. И разговаривал с Джекой.

– Я просил маму, – начал, пугаясь собственных слов, мальчик, – позволить тебе жить у нас дома. Мама сказала, – мальчик замолчал, и на ресницах заблестела слеза, – мама сказала, что хорошие дети не держат бездомных собак у себя дома.

Он опять замолчал.

– Ведь уже осень... Скоро пойдут дожди, а потом снег. И мама, мама не разрешит мне ходить на пустырь к тебе, – торопливо, на одном дыхании закончил он.

Джека смотрела в его чудесные голубые глаза. Что ей до того, что будет когда-то, когда сейчас рядом с ней друг.

– Ты ешь, ешь, – давая на ладошке кусочек пирога с рыбой, говорил мальчик.

– А ты у меня хороший и послушный мальчик, ведь правда? – еще говорила мама. Но Джеке этих слов он сейчас не сказал.

– Ешь, Джека, – только повторял он.

Скоро действительно в окно квартиры, где жил мальчик, застучали холодные капли.

Люди закутались в теплые плащи, головы их покрыли шляпы. А потом шел мокрый снег, он покрывал весь город холодным белым покрывалом, он забивался ветром во все щели, проникал повсюду, жадно пожирая тепло.

Микрорайон, промытый осенними дождями, еще более посерел, а пустырь, на котором летом часто играли дети, стал совсем-совсем пуст. И только под кучей строительного мусора, в норе, заботливо сделанной мальчиком, лежал теплый живой комочек. Собака не ушла с засыпанного снегом пустыря, она ждала друга.

А ДРУГ НЕ ШЕЛ.

Так закончился день, за ним бескончаемо тянулся другой, потом еще...

Когда два живых существа не могут согреть друг друга, Великая Грусть опускается на голубую планету, пылинкой затерянной в бесконечных пространствах Вселенной.

Даже дневное светило, точно позабыв свои обязанности, не показывается из-за туч, оно в великой грусти. Тогда по Земле ходят с печальными глазами одинокие и несчастные люди, невесело перешептываются деревья, грустно слезятся ночные звезды.

Взгляните на небо и вы поймете, что месяц вышел, чтобы хоть чуточку согреть грустную Землю, но не смог и стыдливо спрятался в тучу. А если в это время вы посмотрите на мутные речные воды, вы увидите, что это слезы, которые льет голубая планета.

И автобусы тянут свои маршруты в глубокой задумчивости. И пассажиры вдруг забыли нормы поведения, едут молча и смотрят в окно. И продавцы гастрономов перестали обвешивать покупателей, во всяком случае, вы это теперь не замечаете.

ВЕЛИКАЯ ГРУСТЬ.

Именно в это время писатели достают из своих письменных столов бумагу и перо, и, слушая голос Грусти, начинают выводить букву за буквой.

И все это происходит оттого, что где-то на засыпанном снегом пустыре живое существо не может встретить своего друга.

И писатели будут изводить листы бумаги, упорно пытаясь понять причину, от которой грустит планета. Потом они будут рвать, рвать со злостью написанное и ходить из угла в угол своих кабинетов, курить и снова браться за перо. А вечер никак не захочет стать веселым, он станет еще грустнее. И все писатели уйдут бродить по своим микрорайонам, под дождем или под снегом, засунув руки в карманы, сгорбившись, подобно тени, и лишь дым их сигарет будет свидетельствовать, что под плащом с поднятым воротником стучит совсем не стандартное человеческое сердце.

Весь стандарт, который придумали сами люди для удобства жизни, сегодня сломан и развалился на куски. В нем что-то треснуло, он лишился смысла.

И когда лишился смысла стандарт, лишился смысла и месяц на ночном небе, он не смог больше согреть человеческое сердце, и поэтому он ушел, спрятав за тучу свою беспомощность.

Потеряли смысл ночные звезды и дневное светило. И сонно плелись маршрутные автобусы, так как их движение теперь потеряло смысл.

Глупые реки продолжали лить свои слезы, но и они стали никому ненужными.

Все вдруг потеряло прежний смысл. Земля летела в пространстве глупо и без цели.

А люди? Что стало с ними? Они превратились в тени. Все двигалось по инерции в сторону неотвратимого угасания.

И не было виновных в происшедшем на планете событии. Ведь мама поступила так, как поступают все нормальные мамы, а мальчик послушался маму, потому что так поступают все хорошие мальчики.

Нет, надо было что-то делать. Мною владело искреннее желание помочь обитателям гибнущего мира, желание спасти в конечном счете целую планету от катастрофы,

Я сейчас же взялся за перо, но... рука моя вывела на листе, что для совершения этого благородного поступка нужно только... ЧУДО.

А разве может человек, живущий в рамках стандартных норм, совершить чудо? Ведь чудо складывается из иных категорий. Стандартное чудо уже не является чудом.

Когда рука закончила писать, голова осознала свою беспомощность. Вот и все, я только испортил чистый лист. Как все глупо. Как все не так.

Грудь мою разрывало немое отчаяние. Ну что, что я мог?

Я мог только бросить это занятие, которое не обещает ничего, собрать в авоську бутылки из-под молока, что скопились на кухне, и пойти их сдать, Я мог получить белье из прачечной...

А в это время за моей спиной погибал целый мир.

2.

С тех пор, как осознав свое бессилие, я забросил начатую попытку с помощью волшебных свойств рукописного листа восстановить нарушенное в мире равновесие, **прошло много лет.**

Мир, как и должно было быть, согласно всем известным законам, не рухнул, он продолжал существовать. И лишь по чуть заметной грусти, которая лежала на каждом предмете окружающего мира, можно было заключить, что катастрофа была.

Все так же появлялись, благодаря типовым проектам, микрорайоны, все так же тротуары для пешеходов строились не там, где пешеходы этого желали, оттого они, как и прежде, ходили по своим протоптанным среди запретных газонов тропинкам. И как прежде продавцы гастрономов приветствовали улыбкой и не обвешивали только избранных, а хозяева источников недоливали жаждающим в кружки пива.

Все оставалось на своих местах.

И тот голубоглазый мальчик, как и все, был в этом мире.

К этому времени он уже стал хорошим отцом семейства. У него имелись, согласно стандарту жизни, дом, чудненькая загородная дача, элегантный автомобильчик, естественно, жена и, конечно, сын.

Да, у него был сын.

И вот у сына появился друг. Можете верить, можете нет, но чудачка-судьба крутнула свой виток – он подружился с бездомным псом.

В заснеженной телефонной будке, почти замерзшего, он встретил своего друга.

Он хотел пройти мимо, но пес так грустно, с надеждой, взглянул в его глаза, что мальчик, пройдя телефонную будку, вдруг остановился и вернулся. У него лежала в кармане ириска, он развернул ее и протянул на ладони псу. Тот лизнул конфету, и глаза его сразу, да, вдруг как-то сразу, повеселели, в них не было больше грусти.

И тут, поверьте, я не лгу... совершилось чудо:

Вы помните тот грустный месяц – он улыбнулся.

Вы помните те реки, реки из слез – они весело зажурчали. Они, да, они запели.

Люди из теней вновь превратились в людей. Автобусы возбужденно загудели и радостно помчались по своим нужным маршрутам.

Земля, до сих пор бесцельно скитающаяся в пространстве Вселенной, вдруг обрела утерянный смысл, к ней снова вернулась красота. Календарь упрямо твердил, что сейчас зима, но я не видел зимы – Земля цвела, переливаясь всеми красками, она любовалась собой. Я видел это, верьте мне.

Игривая судьба, повторяя свои причуды, не любит все-таки точности, ей всегда скучно от ее занудства. И мама разрешила сыну взять рыжего пса домой. Теперь им вдвоем не надо печалиться с приближением зимних стуж. Два земных существа, вернее, два друга всегда сумеют сохранить тепло, какие бы стужи не посещали планету.

Я рад, я тоже рад, что так счастливо закончилась эта история. Кто знает, может, и наше с тобой, читатель, волнение за судьбу этих героев помогли Чуду осуществиться.

Единственно, что нельзя изменить, так это грусть в глазах отца мальчика. И нет надежды даже на чудо, ведь чудо не возвращается в прошлое, не селится в стандартных мирах, да и помогает оно далеко не всем.

Мне жаль его, но я оставляю его в том старом мире скучных, но нужных для его жизни стандартов, где даже красота Земли имеет второстепенный смысл. Он никогда не верил словам Надежды, и я не стану его переубеждать, в том мире, он прав, чудес не бывает.

1988 год

КОРОЛЬ НОЧИ

Сказка для взрослых

1.

На дворе стемнело, и я свою пятилетнюю дочку Инну укладывал спать. Инне совсем не хотелось спать в то время, когда мы, взрослые, только собираемся почитать книгу или включить телевизор. Инна хитрила и выдумывала разные поводы-доводы, чтобы оттянуть время.

– Мама, свари мне блинов! – говорила Инна.

Или:

– Ой, у меня мозоль на голове!

Мама смотрела голову Инны. – Об дверь, наверное, стукнулась, – улыбалась дочь.

– Инна, пора спать, – говорил уже не раз я.

Инна показывала на свой правый глаз:

– Вот сюда уже сон залез...

Тогда я уселся рядом с кроваткой дочери и стал разговаривать с Инной, стараясь придать голосу тон снотворного. Инна слушала. Но затем ее личико вновь покрылось милой улыбкой и она уже стала рассказывать для меня:

– Пошли дед с бабкой на охоту. Смотрят – бо-о-льшой гриб! «Стреляй, бабка! – командует дед, – а то гриб убежит». А бабка нагнулась и сказала ласково: «Гули – гули – гули!» Грибы сами к ней и прибежали.

– Инна! – пришла из комнаты взрослых мама, – тебе давно пора спать.

Мама говорила очень сердито; и Инне, конечно же, было жалко маму за то, что маме досталась вот такая непослушная дочь:

– Мама, – старалась оправдаться Инна, – у меня один глаз хочет спать, а другой кушать.

Нет же, Инне совсем и не хотелось кушать, и только мама снова ушла, Инна подмигнула мне – а я ей.

И тогда, чтобы не услышала в соседней комнате мама, Инна стала рассказывать мне последнюю-препоследнюю свою историю шепотом:

– Лопнул у автобуса баллон. Водитель пассажиров всех высадил и поехал в гараж. Ждут его пассажиры, ждут. Вот возвращается он и весь рассерженный. Не сменил, говорит. А пассажиры ждут. Думал тогда он, думал, а потом взял повалил автобус на бок да и надел запасное колесо!.. А обратно поднять автобус никак не может – он же тяжелый, автобус! Правда, пап?

– Правда, – смеюсь я. – Только я и сам уже побаиваюсь, что скоро и на меня мама рассердится.

– Ладно, – говорит Инна, – только пока я буду засыпать, ты нарисуй для меня, пожалуйста, что-нибудь.

– Нарисую, – соглашаюсь я. – Сейчас схожу за карандашами, а ты пока закроешь глаза.

Я вернулся, как и обещал, с карандашами и листом бумаги. Инна улыбалась и, похоже, совсем не собиралась сегодня спать.

– Ты же обещала, что закроешь глаза!

Инна прикрыла один глаз ладошкой:

– А вот!.. Ты рисуй, рисуй! Ты ведь тоже мне обещал.

– У твоего Валерки, – с искренней досадой заметил я, – в одном мешке сто килограммов моркови, а в другом на пятьдесят километров больше. Наверное, наша мама ему опять поставит в тетрадке двойку.

И я стал рисовать.

Я нарисовал деревья. На одном сидела ворона. Под другим – хитрая лиса.

– Черные деревья это некрасиво! – сказала Инна. – Я хочу, чтобы они были красненькими!

– Инна, – возразил я, – красненькими бывают только ягоды.

– Нет, – сказала Инна, – значит, ты не умеешь рисовать деревья! И ворона твоя какая-то злая! А лиса вовсе не хитрая!

Она была совершенно права. Мне стало стыдно, что я действительно поторопился и небрежно нарисовал.

– Ты, папа, не переживай, – сказала Инна, – ты лучше тогда Расскажи мне сказку, чтобы и этот непослушный глаз испугался!

И мне пришлось перебирать по памяти сказки. – Про колобка? – Эта не страшная! – возразила Инна. – Про царевну-лягушку? – Эту я знаю, и тоже не страшная!

Я перебрал все сказки, которые когда-то читал и помнил, и пришел к заключению, что, наверное, по-настоящему страшных детских сказок просто не бывает. Инна ждала. Она держала закрытым свой правый глаз, а левый по-прежнему терпеливо смотрел на меня.

Художник из меня не вышел, страшную сказку, как выяснилось, я не знал, и тогда я решил выдумывать и рассказывать то, что придет мне на ум. За окном постукивал дождик, из-за туч в окно заглядывала луна. Я погасил настольную лампу и включил маленький мерцающий, словно свеча, ночник. Мой голос зазвучал причудливо и таинственно. На ум стали сами собой приходить слова. Казалось, что ночь моими устами наговаривала нам с дочерью свою историю:

... и повелел король дождю лить сильнее! И дождь послушно стал делать дело свое. Он лил, не переставая: он лил и лил и лил. Он лил, не переставая, много лет, как повелел король...

2.

Все вокруг изменилось: деревья, нарисованные только что мной, сделались ядовито черными, лиса хитровато прищурилась, а ворона на дереве стала, мне показалось, злей. Инна притихла. И тут...

Словно рухнула книжная полка и смешались в кучу все мысли и слова ушедших, идущих и еще не появившихся на свет людей. Пространства пересекались во времени, миры, до сих пор соседствующие мирно друг с другом, вдруг стали тесниться, напоздать друг на друга, как айсберги, подминая слабые, ломая хрупкие, реальности сплелись с абстракциями в живой клубок: где начало одних понятий, где других – не разобрать.

Все, что прежде подчинялось движению, остановилось и замерло. Все, что до сих пор представлялось статичным, неодухотворенным, стало обнаруживать в себе силу и голос и даже власть.

– Он же тяжелый! – отчетливо послышался вздох. Водитель автобуса, негодуя, бросил свое занятие – поднимать автобус. Но пассажиры стояли хмуро, словно они давно потеряли надежду и перестали ждать. – Да, тяжелый, – согласились пассажиры, не вкладывая в слова ни доли смысла.

Дед с бабкой, окруженные грибами, оглядывались рассеянно вокруг, точно заблудившиеся среди грибов. День ушедший держал порядок. Мерцающий в ночи ночник сменил день.

Я посмотрел на часы и не обнаружил на них циферблата. «Ах, да зачем он нужен!» – успокоил я себя. Стрелки часов подпрыгивали, спотыкаясь на каждой секунде иного времени. И это мне тоже показалось естественным: главное, чтобы часы не остановились совсем.

По стеклу постучали. Я встал со стула и подошел к окну: «Дождик, дождик, – грустно подумал я, – как жаль... Мама в соседней комнате наверняка поставила Валерке оценку «пять»... Сто пятьдесят километров моркови в одном мешке! Что ж, правильно...»

Я повернулся спиной к луне. В комнате по-прежнему мерцал ночник. В кроватке лежала моя пятилетняя Инна. А рядом с нею... кто-то сидел. Я хорошо видел, как меняется личико Инны: то удивление, то замирание, то сосредоточенное внимание; а я – нет, то сидел не я – а тот, отчего-то на меня похожий, сидел рядом с Инной и убаюкивающим напевом ей что-то рассказывал. Я стал прислушиваться, оставаясь наблюдателем у окна.

И повелел король дождю лить сильнее! И дождь послушно стал делать дело свое. Он лил, не переставая, много лет, как повелел король...

И дождь смывал всепроницающими потоками с деревьев их первозданную суть. С предметов он смывал их истинный, найденный когда-то людьми, смысл.

Я никогда не слышал эту историю. Да и не удивительно, ведь он сам – тот рассказчик – как казалось со стороны, не ведал ни ее начала, ни ее конца. Он плелся за только что выдуманными им событиями и персонажами – это они вели его запутанными лабиринтами ночной бескрайности.

3.

А кто ответит, зачем людям глаза! Глаза? Был когда-то ответ...

А кто ответит, зачем людям язык, если смыт дождями с предметов их смысл!

И ослепли глаза. И, ослепнув, люди стали немые. Ни к чему стало называть вещи именами собственными, к сути ведущими.

Так почернели стволы. И ушел смысл. Он стал с той поры никому не нужным. Его отстранили от дел. И смысл покинул страну. Страну, где право голоса имела Ночь.

Редкие случайные путешественники порой еще заглядывали в те ночные края, но и они уже не решались спрашивать и не надеялись на поиски смысла. О нем там никто давно не слышал. Так уж там устроено все...

А что если хоть на миг прекратится дождь? – за пеленою дождя молчаливо вопрошали звезды.

Ах, если бы!.. Но только огонь памяти в потухших сердцах еще не угас. Его не смог смыть властипослушный холодный дождь. Сама немота, словно заботливая рука, спасала от дождя огонь памяти. Ведь где-то там – там, за завесой дождя – помнится, горели звезды!.. Ах, если бы!.. Но мир это только дождь!..

– Повелеваю дождю лить! лить! лить! – прокричал в ярости властелин.

– А что если хоть на миг прекратится дождь, и люди успеют открыть глаза? – переговаривались звезды между собой.

– Опять эти звезды! – прогремело громом в ночи.

Так с той поры в царстве нескончаемой слепоты опальными стали звезды, и в первую очередь сильные.

Все сумел подчинить властелин ночи, но только ни звезды – так далеки оказались они от его королевской прихоти.

– Лить!!! – в безумии метался властелин, промокший от своего же дождя.

И дождь оглох. Нет, не от королевских кнутов-приказов – он оглох от избытка старания, от шумной угоды – от предрасположенности к повиновению

Слепые люди... Глухой дождь. И перепуганный король...

И обратился король к самой Ночи:

Отчего, когда на небе еще светили звезды, не было страха? А когда не было страха, не было и тревожного беспокойства, что кто-то от него, короля, скрывает тайну?

Но не услышал король из-за шума дождя ответ.

4.

– Мой верный и преданный друг Страх, – послышался голос, который заставил вздрогнуть. – Ответь, отчего так упорно молчат мои верноподданные? Отчего они стали глухи к словам моим? Быть может, они знают тайну, мне неведомую?

Голос был явным – я замер от неожиданности, что в комнате еще появился кто-то.

– Нет тайн, которых не знал бы Король, – второй голос был чуть с простуженной хрипотцой и доносился из-за платяного шкафа. Захотелось скорее включить общий свет, но чувство любопытства остановило меня от поступка.

– Так верно! – согласился первый голос. – Народ всегда глупее своих королей. Тогда откуда ко мне пришла мысль, что люди скрывают тайну?

– Сомнение – удел королей! – льстиво и поспешно ответило из-за шкафа. – По крайней мере, так должно быть.

Неслышная тень подошла к окну и устроилась рядом со мной, устремив свой безликий силуэт через стекло в ночь:

– Быть может, звездный свет опять привел в мое царство крамолу!

– Ты как и прежде мудр! – отозвался лстец. – Не пора ли навсегда закрыть предательские дыры в крыше твоего дворца!

– Постойте! Постойте! – сорвалось у меня.

– Кто это?! – испуганно отпрянула тень Короля.

Тень второго просочилась из-за шкафа, скользнула через кровать Инны, и робко приблизилась прямо ко мне. Я ощутил, как ее ледяные щупальцы потрогали боязливо мой нос. Холод электрической молнией пробежал от кончика моего носа до пят. Я потерял дар речи, морщась от боли цепенеющих мышц.

– Это физическое тело, не принадлежащее нашему пространству, – протарахтел хрипавший, – не обращай на него внимания. Он по сути как стол, как стул, как этот ночник – глупый, пустой и подчиненный тебе, Король. Прикажи ему навсегда замолчать.

– Какой, и правда, глупый, грубый, неодухотворенный предмет! – наигранно хихикнула тень Короля. – С каким, должно быть, нелепейшим пространством мы соседствуем! Вот и управляй такими!

И Король бесцеремонно постучал холодным указательным пальцем по кончику моего носа, словно имея дело с гипсовым антиком:

– Молчи, молчи, чурбачок!

Фантастичность происходящего была настолько невероятной, что я, по-видимому, онемел от нее еще до того, как мне это было предложено. Кажется, я действительно выглядел в те минуты бревном, которое привалили к подоконнику. Я был абсолютно отстранен от участия, мне отводилась последняя роль – быть наблюдателем без права голоса: я был нем, я был лишен воли, мне дозволялось только видеть и слушать.

5.

– Папа! Папа! – утром были первыми слова Инны, – а знаешь, чего больше всего на свете боялся Король? Он боялся, что иссякнет дождь!

– Верно. Ведь, если бы хоть на миг прекратился дождь, и люди успели открыть глаза, они увидели бы перепуганного Короля, – взял на руки я дочь. – И на их устах появился бы смех. Смех, который прогоняет страх. А ведь без страха и всесильных ночных королей не бывает.

– Ненавижу! – ворвался в распахнутое окно ночной отголосок.

– Пап – смотри! А дождь превратился в обыкновенную лужу! – рассмеялась Инна ночному отголоску в ответ. И тут же она стала не по-детски серьезной:

– Папа, а люди совсем-совсем не смеялись?

– Смеялись, наверное. Но про себя. Каждый, и про себя.

– Смешные люди... А скажи, мои сказки лучше!

– Лучше, – согласился я. – Ведь их сочиняет день.

6.

– Ненавижу!!! – бесновался в уходящих раскатах ночной властелин.

Он действительно ненавидел День. День, что всегда приходит на смену Ночи. День, что возвращает людям утерянный смысл. Смысл, который возвращает вещам имена. А людям – глаза.

7.

Я до сих пор – уже по прошествию тех событий – не знаю в точности, была ли воля Короля причиной моей «неодухотворенности», или что-то иное сделало меня таким, что-то, что находилось во мне самом в какой-то скрытой предательской привычке к подчинению. Я не задумывался об этом никогда ранее. Я научился задумываться только спустя, когда чувство вины за молчаливое соучастие прилипло омерзительной пиявкой к моего сердцу.

1992 год

СКАЗКА БЕЗ МОРАЛИ

Как-то однажды к розе подполз жук-скарабей. Прячась от летнего зноя, жук остановился под стеблем розы.

– Хи, хи! – услышал жук.

– Кто здесь?

– Хи, хи! – повторил тонюсенький голос.

– Да кто здесь!? – рассерженно зашипел жук. – Прекратите играть в глупые прятки!

Жук слыл в округе действительно серьезным жуком, и он действительно не любил подобных шуток.

– Это я, Роза...

Жук удивленно повел усами и посмотрел на стебель, под которым он так славно устроился:

– Да, но ведь ты же цветок? А цветы, как известно, молчуны...

– Да, молчуны, – согласился цветок. – У нас, у цветов, слишком много забот, у нас просто нет времени разговаривать. Но сегодня такой чудесный день, и у меня такое прекрасное настроение, что я не могу, чтобы не говорить! И потом мне ужасно надоело быть одной – мне так хочется с кем-нибудь поговорить! Когда розам хорошо, они всегда говорят. Поговори со мной, жук! Ну, пожалуйста!

– Время! Время! Времени нет! Торопиться надо! Извини – дела! – неодобрительно пробурчал жук.

– Ну, жук! Ну, жучок! – не унималась роза. – А посмотри, нет ты только взгляни, какая я красивая!

Жук лениво покосился на стебель:

– Зелень ты. И что красивого в тебе? Для меня навозный шарик куда красивее, чем ты. Навозный шарик – вот красота! – мечтательно заключил скарабей.

– Вот так всегда. Пришел, испортил настроение. Теперь мне уже совсем-совсем плохо... Уходи! – сказала роза. – Я закрываю свой цветок. Мне уже не хочется смотреть на солнце. Уходи...

И жук ушел.

А закрытая роза стояла и думала: «Видно, прав жук, ведь он так много ползает. А я, глупое растение!.. Глупое и никому не нужное. Никому!»

И от этих мыслей ей стало совсем-совсем плохо. Из закрытого цветка упала на землю слеза.

Прошел день. За ним еще один. Как-то на лепесток нашей знакомой села бабочка. Ей сегодня было весело и хорошо, и хотелось очень с кем-нибудь поболтать.

Но она была так зачарована собственной воздушной легкостью, что только и могла говорить о себе. Бабочка так тараторила о себе, что роза с трудом остановила ее. О чем думала, о том и заговорила роза:

– Мне сказал один авторитетный жук, что красоту имеет лишь... навозный шарик. Я никогда не видела его, мне очень бы хотелось взглянуть на это совершенство. Он, видимо, хорош удивительно!

Воображение уносило розу все дальше и дальше:

– Я представляю Его как звезду, от которой исходит множество трепещущих лучей. Он немного чем-то похож... Как вы думаете, – обратилась она к бабочке, – я могла бы стать похожим на него?

Бабочка никогда не интересовалась навозными шариками. Она любовалась только своими легкими крылышками. Они были совершенны! Нет, они были удивительно совершенны! Бабочка посмотрела на толстые лепестки цветка... Но она была деликатной бабочкой.

– Несомненно, – ответила она. – Но это гораздо было бы проще устроить, если бы кто-нибудь вам помог.

С того дня роза только и мечтала о своем будущем:

– Ничто мне теперь не мило. Разве само солнце сравнимо с этим совершенством!

Она рыдала от обиды, что уходили дни, а она оставалась прежней.

И все же каждый день розы отныне был наполнен смыслом. Она хотела! она просто должна! – повторяла роза себе – стать как это Великолепие! «Я не пожалею ничего, чтобы хоть на миг стать Им! Ах, хоть кто-нибудь бы помог!»

Скоро и соседи по поляне, на которой росла роза, знали о ее желании.

– Надо лишь очень сильно захотеть и тогда непременно случится, – повторяла роза.

И от этого большого желания роза открылась вся. И не было на поляне краше и ярче цветка, чем роза.

Корова, равнодушно проходившая мимо, услышала голос розы.

– Да, да, – промычала со знанием дела корова, – дело это нужное, нужное. И ты молодец. Спрячь-ка свои колючки, я, пожалуй, тебе помогу.

И помогла...

СРЕДИ ЦВЕТОВ

Впечатление

«Мы из детства» – под таким названием выставка детского творчества очаровала посетителей в галерее «Вернисаж ИН-ЭКС». В экспозиции были представлены работы волгоградской образцовой изостудии под руководством члена Международной федерации художников Александра Покатило.

– Глянь в окно, там январский снег!

– Это неважно. – Солнечный Лев на ковре-лужайке любовался бабочкой.

– Глупый, глупый, ты глянь в окно, там январский снег водянист, там туман!

– Это неважно. – Желтый Кот в голубом пруду ловил золотистых рыб.

– Звук в тумане теряет форму, он становится похожим на мокрый снег – нет легкости в нем!

– Это неважно. – Лис радужного окраса пил прохладу из родника.

– Туманы предназначены, чтобы растворять горизонт. Но какова цель такого предназначения, никто из людей еще не знает!

– Это неважно. – Бабочка любовалась сама собою и очаровала Льва.

– Но туманы пожирают эхо и разлучают людей. Туманы – пожиратели и разлучатели!

– Это совсем неважно, – заключили Цветы.

– А что же важно? – удивился Посетитель.

– Важно, что Солнце это много-много зайчиков, – ответил Лев.

– Важно, что все-все-все бабочки появились от зайчиков, – подтвердила Бабочка
– Важно, что в пруду живут золотистые рыбы, – добавил Кот.
– Важно, что в прохладе родника живет Радуга, – улыбнулся Лис.
– Важно, что Солнце игриво, оно хочет играть! играть! – рассмеялись Блики в голубом пруду.

– Важно, что цветы напоминают детей, – прошелестели дружно Цветы, – и важно, что дети не рисуют туманов! Неужели так не будет никогда у взрослых? А ведь как это просто... Впрочем, если вы так привыкли доверять стеклу, смотрите в окно.

– Да, но о коварных свойствах туманов сказано еще слишком немного, – молвил обеспокоенный Посетитель. Впрочем, у него на этом иссякли слова.

Январь 1994 года

КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ РЕБЕНКОМ, ТЫ БУДЕШЬ ПИСАТЬ

В выставочном зале Центра культуры и искусства состоялась выставка «Папа, мама и я» семейств художников Г. Чумичевых и А. Покатило. Языком ярких красок спорили взрослые и их воспитанники. И дети даже чаще оставались правы.

На прекрасной выставке стало грустно. На прекрасной выставке встретил плачущего:

Одни рисуют небо – и становятся птицами. Другие рисуют сначала птиц, потом небо, а став взрослыми – плетут сети. Если птица – то в клетке. Если небо – то под тяжелым стеклом. Если радуга – то мое! на гвозде. Взрослые все время боятся, что небо без рамы изменит им. И, заключив радугу в раму и под стекло, сами изменяют, не замечая, небу. Прирученные линии. Прирученный смех. Взрослые рисуют темами. Взрослые знают правила. Так становятся необратимо взрослыми. Но кто пишет картины кистями и красками, тот не пишет вовсе картины.

Туда, где рождается новый мир! Придите посетителями, придите ценителями, просто придите в зал любителем красоты! И убедитесь. Чтобы создавать Светлое, линии на холсте должны петь! Краски должны смеяться! Солнечное пишется так:

Возьмите чистыми руками кусочек небесной сини, пучок лучей солнышка, запах зеленой травы и трели птиц и синие цветы и эхо высоких заснеженных гор. Смешайте с ними красные цветы и синие цветы и веселый луг. И если еще подкрасить дуплистость ворчливого леса пудрой выжатых беззубых туч. И если все это как следует перемешать! Теперь поставьте ваш букет в вазу, прозрачную и живую, как икринки рыб. Абра-кадабра! – взмахните волшебными словами Добра. Отойдите на шаг, на два – и любуйтесь! Любуйтесь! Любуйтесь! Смотрите: от ваших взорных ласк букет раскрывает бутоны! Слышите музыку: заиграли виолончели и скрипки! Что бывает чище наивности! Если на свете есть райский лес и райские птицы – так вот они! Солнечное пишется именно так. Как на прекрасной выставке.

И утешая плачущего, Солнечное сказало ему:

– Когда ты станешь ребенком, ты будешь писать.

Придите посетителем, придите ценителем, просто придите в зал. И убедитесь.

1994 год

В ПРОСТРАНСТВЕ СО ЗНАКОМ ПЛЮС

Впечатление с прошедшей выставки

Порой я думаю, что все окружающее нас – это наполовину выдумка. Фантазия к фантазии среди фантазий. А сами мы живем между мирами – и эти миры без границ. Истинное

или вымышленное? Одно и другое так рядом. Оба качества «географически» так близки, что я постоянно опасаясь перепутать и впасть в сочинительство.

И этим я оправдываю сейчас сам себя. Так фантастично звучало тогда для меня случившееся, что я отказался поверить. Вот та причина, что рукопись в первом черновике пролежала в моем столе много дней. Теперь же, оторвавшись от того события на расстояние в 7000 земных часов и имея возможность взглянуть на происходящее со стороны, я знаю – я не выдумал ни единой строки. Мои чувства звучали там, в зале, в полный такт происходящему в чужой душе.

1.

При первой встрече с полотнами волгоградского живописца Елены Самборской разочаровывает бледная, словно затушеванная излишне, яркость красок: колорит сдержан, цветовая гамма проста. Предельная простота живописи настораживает и вызывает беспокойство: срывает житейский стереотип – чем сложнее, тем лучше.

«Вечер в Гаване» – полиптих Елены Самборской с прошедшей выставки. Восемь живописных полотен, имеющих смысловую связь. Среди кричащей, спорящей, амбициозной живописи коллег-мужчин она занимает скромный уголок зала. Впрочем, и сам сюжет до скромности прост:

Вечер. Ресторан. За столиком мужчина и женщина. По соседству такие же столики. Вино и фрукты. Уединенность и камерность. Внешне – вот и все.

И автор не торопится говорить со зрителем. Он словно ждет, когда зритель, набегавшись по броской пестроте выставочного зала, наконец успокоится, сам вернется. Вернется, чтобы начать разговор.

Кто-то заявил однажды: живопись надо созерцать. С тех пор так и заведено.

Не созерцайте живопись – слушайте! Настоящий зритель всегда тот, кто научился слушать. А если зритель чрезмерно болтлив – живопись молчалива.

Живопись не монолог – всегда диалог. Вслушайтесь в живопись!

У Елены Самборской очень выразительная и смыслонасыщенная линия: движения! движения! мир переполнен движением! чужая галактика! чужой космос! Мир необычен и полон неожиданностей. Не стоит пугаться – в сторону сомнения и ложный страх!

Погружение в область незримого – это попытка прикосновения к пространству, в котором привычных ориентиров-слов нет. Именно здесь человеческий рассудок начинает свое колдовство, приводя бессловесно-неясное в привычно-знаковое – в материал, из которого в дальнейшем строится то, что называется Мыслью. И нередко удивительнейшие находки встречаются только здесь.

И, размышляя о Творчестве, я брожу сейчас мысленно по граничной черте, разделяющей молчаливое Чувственное и словоохотливое Рациональное, черте, за которой скрывается и раскрывается тайна.

Глаза здесь беспомощны, логика – опора ума – превращена здесь в ничто. Все привычное, надежное отказывается работать здесь. **Только чувства. Только чувства!** Они зорче глаз, они надежней логики! И далеко не сразу я начинаю различать смысл круговорота цветов и линий.

Взгляд, пробежав по линиям рисунка, наконец спотыкается слепо – на Мысль! Мысль, что вложена аккуратно, чисто по-женски в сочетания «пятна-линии-цвета». Это и есть тот ключ, что открывает воображению зрителя все остальное. За внешней простотой и сдержанностью внезапно приоткрывается замысел – и преобразуется вокруг озаренного зрителя вмиг буквально все.

Сила этих полотен неожиданно оказывается так велика! Вы только вслушайтесь – зал гудит! Предельное напряжение!!!

Самборская! Самборская! Удивительная Самборская! И полиптих из восьми полотен – ее удивительнейший сюжет!

Чарующий скоротечный миг, ради которого не жаль отдать все! Сумасшествие, ради которого только и достойно жить! Тот великолепный порыв, когда в одночасье переворачиваются и сталкиваются с треском и звоном соседствующие пространства. И даже Время, такое консервативное в своей неумолимой инерционности и пренебрегающее вольным обращением со своими порядками, вдруг портится вместе со старыми часами на руке. Будущее, настоящее – где кто? – не разобрать.

Возможно, именно в такие минуты писателям приходят на ум лучшие на свете слова, а поэтам поющие рифмы. Точно Провидение завладевает устами ораторов, и ораторы в такие минуты ошеломляют толпу. Живо-писцы отрешенно и торопливо пишут! пишут! И не видят, не слышат... Там! Там! Там! В такие минуты все они Там! Здесь они только отсутствуют.

Последующее, что произошло со мной, можно вполне определить как утрату способности обрисовать ситуацию. Логические подходы, какими я обычно пользовался, оказались непригодными. Проверенные понятия отказались служить. Терминология не соответствовала. Вся аналитическая метода словно растеряла по дороге свой арсенал. Я мучительно искал объяснения. Кричащий восторг и необъяснимое беспокойство слились единым чувством во мне. Два взаимоисключающих начала вопреки физическим законам соседствовали друг с другом реально, образуя вкупе Нечто, что пришло впервые ко мне, что вливалось волнующим потоком в меня. Немая мука объяснить нахлынувшее терзала меня.

2.

Я отчего-то всегда был уверен, что женщины-художники подражают в своем творчестве коллегам-мужчинам. Что непременно в этом таится для них ловушка, их беда.

Утверждение абсолюта внешней Формы! Вера в чудодейственность Внешнего! Беспредельное любование Внешним! И все это итог подражания. Прелестный натурализм! – предвзято торжествовала победу во мне доморощенная формула женского творчества. И вооруженный непробиваемым бронежилетом таких убеждений, помню, я вошел в этот зал.

Уже более двух часов находился среди полотен я – так замечательно было открытие, так велико было впечатление! Но тайна необыкновенности чувства не открывалась мне. Нет, здесь в женской живописи все не так.

Так если в живописи мужчин я вполне различаю, где художник руководствовался подходом логическим, а где у него произошел всплеск эмоциональный – и он, доверившись случайной радости, в миг забросил теорию всякую; то здесь как-то все разом, все единым разом, все сразу и вместе, все в неразделимой целостности: в синтезе взаимоисключающих начал, в совместимости несовместимых частей. Но и не это главное. Главное, что отдельно взятые устремления здесь, в этом «пространстве», как бы имеют свой неповторимый специфический знак. Если ум мужчины совершает непрерывный поиск, то ум женщины как бы все время ждет. Если интеллект мужчин, образно говоря, движим навстречу Истине, то в варианте женском сама Истина подвижна навстречу ловцу. Женщина нетороплива, точно она догадывается о силе собственного притяжения.

И ведь действительно: женщина на полотнах Самборской – владыка Вселенной! Незрима и неоспорима ее власть! И ироническая простота живописи удесятворяет этот самый главный смысловой пафос.

– Это же Женщина! – осенило меня. – И забудь рядом с ней все слова...

P. S.

Объяснение неординарности впечатления появилось позже:

Я, мужчина-зритель, почти физически оказался в тот день на месте женщины. Я смотрел на мир знакомых вещей глазами художника- женщины. А умом привычно оставаясь самым собой. Для иллюстрации можно предложить такую картину: вы, житель пространства со знаком, допустим, минус, вдруг, оставаясь самым собой, попадаете в пространство со знаком плюс, где все понятия имеют, разумеется, перевернутый знак, где все процессы имеют как бы обратный ход. Именно такое приключение и произошло со мной. Естественно, что все стереотипы-представления, что сохранили по инерции свою незыблемость в моей голове, неожиданно и как бы без моего ведома пришли в абсолютное несоответствие. С ног на голову перевернулся понятийный аппарат – с ног на голову, соответственно, перевернулся и окружающий мир. Субъективный «перевертыш» явился в обличье дискомфорта (мы так привыкли все объяснять), а удивительное слияние души (художника и зрителя) переросло, резонируя, в восторг.

1993 год

Н – ФОРМА

Однажды я выгнал из жизни Форму.

Да – да, я взял и просто сжег все рукописные страницы. В час творческого дерзновенья, казалось мне, что это добрая и настоящая сказка. Помню, я промучился с ней впоследствии целый год.

Не скрою, я любил ее. И даже гордился тем, что я, никто другой, создал ее. Но форма оказалась плаксивой, и часто жаловалась, виня в своем несовершенстве весь белый свет. Я жалел, хотел ей помочь. Но чем больше я старался, тем печальнее становилась она. Она мучила меня, точно капризная женщина. Она терзала меня, и этим все больше и больше убивала себя. Вместе с ней, мне казалось, умирал и я. В ней стал доминировать цвет печали. И наконец я с ужасом увидел, что пальцы мои, что и мысли мои перепачканы ее чернотой. И я возненавидел ее – Форму, которую сам создал. Я, негодуя, бросил ее в огонь! «И это из-за нее, – злорадствовал я и кровожадно смотрел на пламя, – я расстроил все свои дела?! Да я чуть было не развелся с женой!»

Рукопись скореежилась и послушно обратилась в пепел. Тайну своего упрямства унесла с собой.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Литературная экспрессия

Здравствуй, Тот, к кому обращаюсь я!

Молчал, молчал – вот пишу.

Кто я? – неоднозначный ответ. Скорее пишет сейчас Тебе ужасное существо – у него свирепая внешность, а в голове опилки, перемешанные, бог знает, с чем и как. И пишет оно Тебе не для тебя – оно пишет всегда себе о Себе, оно разговаривает всегда и поныне само с собою.

Я ужасаюсь своим портретом!

Я ужасаюсь собственной одержимой сути!

Я – Чудовище! подчиненное одной лишь страсти. Я ХОЧУ! – вот она, моя страсть.

Кто дал такое право ему?

Может Бог? – но такового господина для него нет.

Может Талант? – но тогда объясните, что есть талант. Может это вымышленное ничто! Может это звук пустой! вибрирующий в пустоте.

Я ХОЧУ! – вот Бог и Дьявол и Звук звенящий, что поселились в нем и правят его рукой: рука выводит каракули и чернит листы – это! называет Оно письмом к Тебе.

Здравствуй, Тот, к кому обращаюсь я!

О, если б я не смел бумагомарательствовать, я бы сейчас лучше б был – я хочу громко выть!!!

Мои зубы стиснуты – а взгляд свиреп! Опилки в голове, прелость которых я доныне величал рассудком своим, пересыпаются и извергают единственное – к Себе неприязнь: я ненавижу в эти минуты Себя!

Я ХОЧУ сильнее моего Я МОГУ – и оттого я сейчас разбитое корыто, не пригодное к океану по имени Творчество. Если бы рядом со мной находился в эти минуты мой двойник, я, не теряя ни одной секунды, растерзал бы его в мелкие клочья: мой кулак не знал бы усталости и не знал бы жалости – негодование и нетерпение и мой кулак дорисовали бы этот портрет. О, какое невообразимое уродство поселилось во мне! – беременность творческая и неспособность к творчеству.

Здравствуй, Тот, к кому обращаюсь я!

Это я пытаюсь к тебе стучать.

Я остался все тем же, но степень моих притязаний изо дня в день растет. Я сам, и вполне сознательно, поливаю это растение, прекрасно сознавая, как опасно давать свободу тому, что произрастает в тесноте и темноте стен. Лелеять свои желания в тесном горшке возможностей – самоубийство. Но уж лучше так.

Все люди, у которых на знамени «Я ХОЧУ» – прирожденные самоубийцы. Всех типов, на лбу которых «Я ХОЧУ», ждут нетерпеливые психлечебницы – и поделом.

«Ты не любишь людей, – окружающие сказали мне, – все люди быдло и только быдло в твоих глазах».

Я не люблю людей: всех, у которых на лбу отсутствует «Я ХОЧУ», я величаю нелестно. Так требует моя Страсть!

Пусть искатели добропорядочных истин рассудят нас.

Пусть почитатели добрососедских нравов осудят меня.

Я знаю одного только Бога – Я ХОЧУ!

И если вдруг завтра выйдет декрет и запретят Творчество, то пусть запретят и Меня.

Запретите Меня!

Запретите истерзанного желаниями Меня, распугивающего всех своих приятелей и друзей!

Запретите бесноваться таким, как я, и тревожить чужие сны!

Здравствуй, Тот, к кому обращаюсь я!

ОСТОРОЖНО! ВЫСТАВКА

Реплика

Сколько раз зарекался: не ходи ты на эти выставки. И вот. Посетил. Видит сверху Бог, без умысла – случайно вышло. Все, амба! Терпению моему конец пришел: сами того хотели, само меня довели. Хоть и учил меня один мудрый человек быть терпимей к ближнему своему, да как терпеть, когда сама терпимость уже по башке бьет? Терпимым стану как-нибудь в другой раз.

Вышел с выставки – точно в комиссионном магазине побывал, где на полках старый хлам пылится. Так и хочется с себя осевшую пыль стряхнуть да затхлый воздух отогнать, коим там, в зале Союза художников, надыхался. Отсутствие свежей мысли, оглядка бесконечная друг на друга, местами тупоумие и скука, скука, скука!.. Работы «очень старых мастеров» – так хочется определить. Старых и дряхлых: интеллектуальной плесенью там пахнет. Завшивели, мужики!

Баня, баня нужна. Да с горячим веничком, да по натруженным попкам! Кстати, складочки на попке у одной из нарисованных мадам – прелесть...

Вот Чаплыгин – неплохо. Да только вчера это было.

Жестоко? Да. Но и нас, зрителей, уважать надо. Довольно нас кормить тухлыми яйцами. Коль чей «поезд ушел», то и на «перроне» не пристало торчать. Время имеет свойства над людьми подшучивать. Особо, говорят, над теми, кто на перроне остался.

Рамы! Есть интересные рамы! Это безусловно удачи творческие. Отдельные рамы так замысловаты – думается, вся творческая энергия автора в них и ушла. Я бы такую раму купил. Без полотна. Мечтаю на стену повесить – и долго-долго удивительную выставку вспоминать. «Ню» называется.

Наберите в легкие побольше воздуха и вместе со мной протя-яжно произнесите: ню!.. Правда, напоминает что-то? (Повыть захотелось вдруг).

Сам-то ты что умеешь? – могут спросить. Сам? Кое-что, наверное, смогу. Не умею только больше серость да день вчерашний лицезреть. Аллергия у меня еще с тех пор, когда наша экономика должна была быть экономной. Надеюсь, излечимо это.

Ладно. Бог им судья – пусть теперь Время их всех оценит. Оно мудрее. Ну а мне за мои злые слова все равно кто-нибудь спасибо скажет!

Январь 1992 год

Фотосессия

Л И Ц А

Бывают натуры слабые. Бывают сильные. Бывают, которые сильнее тебя.

Есть, которых жалко. А есть, которых после встречи начинаешь откровенно презирать.

Бывают трудные лица. Бывает, вовсе нет лица. Именно такие лица читаются труднее всего.

Нет лица. Маска! Маска! Как страшно расстаться с маской!

Хаос, нагроможденные амбиции, заглушенные желания, панические попытки спрятаться от самого себя, чувства, загнанные в темницы и там заблудившиеся. Страшно! И нет лица.

Мучительно портретировать такого «актера». Видишь, что и роль ему дается тяжело и игра насквозь лжива, и даже диалог между тобой и им – привычно неоткровенен. Ведь вместе с удобной маской можно потерять все: место в обществе (которое давно не твое), а с местом – и себя (без места нет тебя: прирос ты к месту!).

Можно через Внешнее проникнуть в чужие двери. Можно заглянуть через лицо в душу. Имя ключа – Искусство.

Перед портретной съемкой испытываю своего рода страх. Пугает неизвестное: что встречу на этот раз?

То, как нахлынувшее безумство! И тогда мои впечатления кричат эмоциями – пусть это слабость. О, есть прекрасные лица! Эти редкие встречи переполняют и заставляют бурлить! Слушайте! – хочется распахнуть окно – я тысячу лет не дарил комплементов, а сейчас желаю!

Впрочем, все слова так и остаются невнятным лепетом, а все эпитеты – бормотаньем. Скучно, так скучно по сравнению с виденным.

Я просматриваю отпечатки и не устаю восхищаться. Что это? Игра? Какая разница! Но гамма оттенков так богата! Так приходит восторг.

Дурак, говоришь себе, завтра ты будешь смеяться над мимолетной фантазией. Ты выдумал то, что хотел выдумать. Ведь кроме тебя никто не увидит Этого. Но я то автор, я как бы прикоснулся к живой душе – в том и заключается мой прекрасный секрет. Что за прелесть это лицо! Оно просто чудо! Оно – живое!!!

Время спрячет в свои глубины всплески-эмоции, и тогда я стану мудрым плесом, но сегодня я – водопад!

ИВАН АДАМОВИЧ

Портрет современника

Старый купеческий дом. Дому лет двести.

Когда-то жил в станице Нижне Чирской один человек, который умер. Умер в возрасте. Так он рассказывал, что помнил тут все дома и где кто жил. Этот же дом принадлежал одной богатой вдове-казачке. Достался ей по наследству. А до того, как вселился Иван Адамович Буканов (в 54-м году) в доме размещался сельсовет.

Под плодовой грушей огромный кактус. Кактусу лет двадцать. Ровно столько Иван Адамович на пенсии. Старый кактус летует на дворе. «Кактус – цветок, а попробуй сядь!» – шутит с гостями Иван Адамович.

Развесиста груша во дворе: рвите, ешьте, гости, сколько хотите! «И не стесняйтесь. У меня тут есть. У меня и дров запас старый, года на два. У меня даже водка есть! Но я ее вам не дам. Почему не дам? Меня могут обвинить в порче людей», – шутит с гостями Иван Адамович.

Дед Иван, сколько тебе лет? Восемьдесят пять. А выглядишь! «Смотри, не хвали, а то начну этим преимуществом пользоваться, нахвалишься!» – смеется Иван Адамович.

Гостей много. Он рад гостям. Любит Иван Адамович когда людей много. Жить без людей, вне людей плохо.

«В первую мировую я был ребенком. В гражданскую я был подростком. А во второй мировой участвовал сам. Такие экземпляры, как я, – редкость. Вы теперь государством распоряжаетесь. Мы – только свидетели его конца».

Ржавая подкова над приступком красуется. Кто знает, кто повесил ее. Если б не поинтересовались, Иван Адамович о ней бы и не узнал. Должно быть, внуки.

Пока то да се, пока готовится ужин, гости допытываются у Иван Адамовича. Вопросы обычные: и про урожай, и про колхоз.

«А про урожай что: хлеб и колхоз убрал, и фермеры убрали. Это лучше у Администрации узнать, не знаю, скажут ли всю правду. Всяк по-своему теперь живет. Вот колхозники протестуют: колхозы, мол, ликвидируют. А протестуют, знаете, почему? Люди говорят так: кому темная ночь пользу приносит? Влюбленным да ворами. Потому и протестуют, что воровать будет негде. Народ стал другим. Выйдешь – народ как вроде еле живой. Колхоз не развалился – его развалили. И даже климат испортился. Дождь: побрызжет, побрызжет, да перестанет – вот такие в этом году дожди. Или народ испортил климат – так он не мог испортиться: и зима не зима, и лето не лето, и осень не осень. И ничего предсказать нельзя: хаос».

Дед Иван, ты вот жизнь прожил – ну что ты нажил? «...Кота убили соседи. Он их цыпленка гонял. Мурик – я всех зову Муркой, Муриком. Был щенок – украли. Две недели назад. Детдомовские обычно воруют: навел справки – нет. Еще есть у меня приемник ВЕЕФ – 112, который принимает весь мир».

Дед Иван, о чем ты еще мечтаешь? о чем мечтал? «У меня всю жизнь была мечта увидеть Байкал. Так я его уже и не увижу...»

Запах деревенского дома (городские квартиры не знают уютного запаха). Крашенные полы. Беленые стены. В центре комнат голландская печь. Просто в патроне лампочка. На круглом столе (модном когда-то) конверт. Пишет из Германии внучка Анна:

«Здравствуй, любимый наш дедушка! Мы часто вспоминаем тебя, очень по тебе скучаем. Твой заказ выполняем: мама привезет тебе бритву и лезвия к ней, на картинке нарисовано, как ею пользоваться».

Что сказать о той стране, где мы теперь живем? Можно сказать, что себя они обеспечили и живут в свое удовольствие. В магазинах все. У каждого есть машина. Выходных и праздников у них больше, чем можно представить. Дети нарядные, на пожилых людей смотреть одно удовольствие. Все бабушки с прическами, с маникюрами. Дедушки с тросточками, с фотоаппаратами. Гуляют большими группами, путешествуют.

Дедушка, а коты здесь жирные, ленивые и привередливые. Подойдет, понюхает и поморщится. Сюда бы Мурзика запустить.

Обнимаю, целую. Твоя внучка».

РЫБАЛКА – НЕ ДАЙ БОГ!

Интервью с браконьером

КОРР. Капитаны теплоходов, и рейсовых, и грузовых, рассказывают, мол, в устье Волги ужас что делается: рыбу портят, икру забирают, на берегу рыба гниет, тухнет.

БРАКОНЬЕР. Съешь кусочек рыбы, а потом расскажу. Папироску положи и съешь рыбу. Если не нравится, скажи: мне не нравится. Бери и ешь. Ешь!

КОРР. В Астрахани тоже, говорят, острова все забиты «чехлами», там такой трупный запах стоит!

БРАКОНЬЕР. Пока не съешь кусок, не расскажу. Потом пять минут покурим – и я тебе расскажу, провожу – и все – и ты пошел.

КОРР. Ну что, обязательно надо съесть?

БРАКОНЬЕР. Ешь!

КОРР. В Калмыкии на берегу и гаишники на «Опелях», «мерсах», и ОМОН машины на дорогах переворачивает днем и ночью. А толку: как ловили, так и ловят. С островов, из-за кустов выезжают лодки одна за одной! одна за одной! Милиция оцепила берег, а на воде-то они что хотят, то и делают. Там, говорят, чтобы выйти в Волгу снасть опустить, надо очереди три дня ждать. В прошлом году ОМОН там месяц простоял и уехал – и все опять. Калмыки говорят: «В том году ОМОН купили и в этом купим!» Ну, значит, рыба-то есть? Только сюда она не идет. Тут, под Волгоградом, рыбы было всегда полно. А теперь ее нет.

Браконьеры, они разные. Отсюда и приемы задержания разные. Одни молотки швыряют в инспектора. Другие веслами дерутся. Мотор таранят. Неопытный, удирая, будет по прямой лодку гнать. Опытный дело знает: волной мешает к себе приблизиться, виляет – сбивает ход инспекторской лодки. Кто поперек лодки преследователя норовит переехать. А кто сам переворачивается на собственной волне. А есть, что из обреза палят в упор. Есть такие, что соглашаются с гостем незванным из газеты поговорить.

БРАКОНЬЕР. Ешь!

КОРР. Ну мне нравится просто с вами сидеть.

БРАКОНЬЕР. Ну и сиди. Да чо ты, ты ж ничо не ешь!

КОРР. Да ем!

БРАКОНЬЕР. Ееее! – там ешь!..

КОРР. Вот народ.

БРАКОНЬЕР. Народ. Чем отличается американец от русского? Была тут передача по телевизору. Значит, сидят выпивают. Ну, этот выпил, этот не выпил – это американцы. Сидят русские: да выпей! Да не могу. Да выпей! Все – сразу видно – русский.

КОРР. Как раз: ешь рыбу! ешь рыбу! Это русский! Лучше о рыбалке расскажи.

БРАКОНЬЕР. Рыбалка – не дай Бог. Десять зарплат за снасть. Пятнадцать – за голову осетра. Штраф, да. И все. Не веришь?

КОРР. Что мешает рыбе нереститься? Казалось бы, пришла да нерестись? Сети, снасти под Астраханью, под Цыган-Аманом ей мешают?

Браконьеры, они разные. Есть, что поднабив мошину в застойные времена, перекочевали на демократические берега, став коммерсантами, президентами фирм, «новыми русскими». Есть разочарованные в пиратском промысле: мотор – пять миллионов, канистра бензина – двадцать тысяч, запчасти не по карману, и рыбы не стало. Есть, что ловят рыбу, чтобы напиться, проспать и опять поймать, чтобы похмелиться. И есть – чтобы прокормить семью в пять-шесть человек, – он на заводе работает, зарплату ему полгода не выдают, его аргумент: «А что мне делать, когда мои дети жрать хотят!»

БРАКОНЬЕР. Последнее условие, которое я предлагаю, а если нет, то прям прогоню нахально, если не съешь. Рыба – не мясо. Если не съешь – все.

КОРР. Так про рыбалку ничего ты не рассказал. Все засекретил.

БРАКОНЬЕР. На голову! Вкусней головы ты ничо не найдешь. На ешь. Ешь. Ешь! Ешь! Ешь! Ты бери и ешь.

КОРР. А на реку с собой возьмешь?

БРАКОНЬЕР. Со мной ты никогда не будешь рыбачить. Я люблю один. Ха! Я поймаю одного леща, а ты придешь с милицией. Ты сам приходи и хоть мешками лови – я отношения к тебе не имею.

КОРР. А при чем тут милиция? Я про рыбалку, про ее секреты...

БРАКОНЬЕР. А секрет – только милиция. Съешь! Еще кусочек...

1995 год

ОХОТА НА САРАНЧУ

Рейд оперативной инспекции Нижневолжрыбвод

Три лодки идут на малом ходу. Мелко – ребята всматриваются в мутную весеннюю воду. Углубляются среди топляков в тополиные рощи, заходят с тыла. Передняя «Казанка» дает отмашку: лодка есть! Три лодки инспекторов рыбоохраны глушат моторы:

– Одна. Вторая... Вон видишь!

– На снастях сидят.

– Отрезать! Иначе уйдут! Заведутся и нырнут в протоки. В кусты их пустим – и мы их потеряем. Там их миллион протоков.

– Оп-па, все – верхняя завелась и «села в корму» – значит, заметили!

– Ну что, в бой, ребята!

«Казанка» срывается с места. Следом вторая. Третья. Волга – километры воды – тут решает исход мотор и дерзость.

Четверо бракуш. Лица тяжелые, угрюмые, хищные. Четвертый молодой, явно попавший на пиратский промысел за компанию, и перепуганный.

– Как звать?

– Юрка. Со Светлого Яра.

– Лет?

– Двадцать.

Красива Волга в своих просторах, вольна, на солнце ласкова: для кого ласкова, а для кого сегодня другая.

Но еще две лодки упущены. Тут – напротив Райгорода – их как саранчи на краснорыбицу.

Май 1995 года

ВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЯРМАРКА

С натуры

ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ – праздник христиан, отмечаемый 14(27) сентября. И лейтмотив которого в том, что человек, подобно Христу, проходит в жизни крестный путь, ведущий к спасению.

Лица гордые, одержимые – вот прелесть-то! Вот где она, желто-красно-голубая страна!

– Пошто без формы?

– Мне можно.

– Нет, здесь это не можно.

Храп коней под лихими всадниками: расступись православные! Дозвольте станишнику нагайку-плетенку спробовать! Щьюуух!.. Ладная!

Казаки подтянутые – форма обязывает: сегодня и их праздник!

Курени, трактиры, торговые ряды. А в самом центре площади высокий столб: сапоги яловые да коньячок – заманчиво!

Зазывалы, запевалы, пересмешники да дым костров.

В трактирах уже песни поют, наливают задарма – любя. Воздвиженская ярмарка рада всем гостям!

– Эй, сударь, ты что же скучный, как я! Пойдем!

Свадьба не свадьба, базар не базар – тысячеликий гул!

Частушки, хороводы, смех взрывной.

– Ну-ка, казачки чирские, бабоньки крепче за руки – не то разобьют, уведут!

Сарафаны, косы, губки яркие, глаза озорные – не растаять бы, как эскимо.

Детям – карусели. Женам – беспокойство: ох, он, паразитина бесстыжая!..

Буйство и пестрота. Шутки и игры. Бабку старую уронили невзначай, чуть дух не выпустила – водочкой отпоили. Прямо из чайника: чо там, чо там – пей!

С седобородым пошутковали: сорвали фуражку – обиделся. В морду сразу – трах!! Бать, не по адресу! А то! Заводные станичники – только пыль из под каблуков! Любо! Любо! Казаки!

Гостеприимно, добродушно – смех по поводу и без повода.

– Здорово дневали, девоньки!

– И здоровее встречали.

– Ээ! А еще в очках: интеллигентная!

В небе вертолеты. В небе парашюты. И вежливая милиция на земле: пропустите, граждане, автомобиль!

– Ну, на парашютах – к нам! Каймак бабы Шуры из хутора суровикинского, такого нигде не попробуешь! И нехаевским степным медом угостим, и нальем из четверти всем, кто спляшет! Пей до дна!

– Гля, собака как мучается, аж язык высунула. На!

– Не жреть. Упаковка не та – загранишная.

Молодежь петушится. Эмоции. Драчунов к нам – в хоровод. Праздник!!!

А какая гульба без задорной песни! Хороша песня – за душу берет!

Не налюбуйся. Не насмотришься. Спасибо всем!

Трижды переселялась на разухабистые косогоры окружная станица Нижне-чирская. Первый раз неудачно устроилась среди степей. Последний раз искусственное море оттеснило ее на холмы: старая Чирская так под Цимлой и осталась.

А над нею простор – не надышится грудь. А поодаль, под холмами – там, где Чир сливался когда-то с Доном, – острый церковный купол прямо в синь: радостно!

Но серый камень встал на перекрестье времен, сердце видом напоминающий. Порубанная клинками зла память под этим символом: красные, белые – всех убиенных за землю и веру русскую «вместила» глыба.

Желто-красно-голубая страна Казачества. Скорбь, трагедия и надежда в ее знаменах. «Спаси, Господи, души усопших» – высекает слова молитва. Те слова обращены к живущим.

Широка душа русская, как и земля: много в ней добра. Тем и живы.

1993 год

ТИМОФЕЙ да ИВАН

Зарисовка с натуры

«Говорят, в Глазуновке в тысяча семьсот каком-то году пять с лишним тысяч населения было. По тем временам это очень даже. Станица была уездной. А с бугра: как Глазуновка хорошо была распланирована – вся кварталами, улица так и улица сая. И подорожник повсюду – вроде аллеи даже.

Нет, не то что теперь: техника ходит – брызги на заборы летят. От хаты до хаты избили все – грязь! Говорят, и люди изменились. Чувствуется – ну не то. Раньше свадьба по три дня шумела. Праздники какие – так два-три дня. На всю станицу. Щас: если кто пойдет, песню заорет – смеются люди. Или: вот разорались!»

Как-то на прощенный день Тимофей с Иваном выпили. Ну там, у Ивана – выпили бутылку-другую. Иван песни поет. И Тимофей поет. Ну – выпили изрядно. Тимофей и говорит: ну пойдем, Иван, проводишь меня. Иван отвечает: ну пойдем. Пойдем токо с песнями. Песни казачьи ему и Тимофею нравятся. Ну повел Иван Тимофея.

А далеко идти. А светло еще. И вот представляете: по всей станице люди с заборов выглядывали! Тимофей хоть и пьяный – а видел. Что такое: песни поют? Кто такие? Что вы за дураки, что песни поете?

«А ведь раньше как. Так ведь это красота была! Всей компанией. И по всей станице обязательно. Вспоминать приятно. Как обычай. Сегодня праздник – у нас. Следующий – у кума. Вот так вот чередовались. А нынче все уже. Не серо стало – черно.

Или время на людей повлияло? Или водка такая стала?» Раньше пенсию получал Тимофей 127 рублей – и говорил: «Отлично, мне достаточно» – бутылка стоила 5 рублей. Ну, сейчас бутылки Тимофею одной мало будет, понятно, нужно брать две, это значит 10 тыщ только Тимофею.

Сын приехал к Тимофею в субботу. И говорит: «Ну вы чо ж, пенсию получили?» Сын работает на двух машинах – и не на одной нет работы. Нет работы. Вообще нет работы! Тимофей чувствует, что ему помочь надо.

Обидно! Старшее поколение только-только стало узнавать, что такое курорты. Детям бы поехать: то Ленинград, то Севастополь посмотреть. Старшие-то поглядели, поездили. А потом раз – и все! А теперь куда?

Раньше Тимофей одному сыну помог машину купить – думал и второму купить. А теперь, бог его знает, машину или что? Может оно и лучше будет когда-то, но сейчас-то?

Коз Тимофей водил – секрет простой. Козы у Тимофея были. Пух в Казахстан возил. Ну три тысячи он всегда брал. Три тыщи – это большие деньги. И он думал: Ну еще раз-два я съезжу и машину второму сыну куплю. А тут – бах! – по самую грязь. И готово.

«Нет, все-таки зажили последние годы люди. В колхозе и доярки стали на курорты ездить. Куда-то на Украину что-то купить. Привыкли люди в колхозе жить – и вот. И как рубанули.

Ну жили в колхозе! Ну тракторист, комбайнер мог машину взять. Льготы давали. А шас, ну? Все обозлились. Обида, естественно.

Вот и живут селяне только своим хозяйством. Ухитряются! А тут куда? Ни Совета, ни милиции, ничего ж. Раньше райком все делал, а нынче куда пожалишься? Убили тебя или обокрали, кому жаловаться – казакам? Нету и казаков: форму-то они сшили, форма-то снаружи, а под формой ничего нет. Он скотником работает, он сутки отдежурит, какой казак там из него? Ну? Какой из него казак? Вот и все.

Вот Дума сидит. Ну и что? Вот они каждый день буквально думают – и что они надумали? Ну что они надумали? Для России всей? Только убытки.

Ночью в Глазуновке нет совсем фонарей. Лампочек нет – раз. Платить никто не хочет за лампочки – два. Лампочки вешают – лампочки быют. Последняя лампочка от силы час провисела. А в темноте воруют курей, козлов, овец – удобно, понятно.

Хозяина нет. Сталина поднять бы. Правильно делал. Да порядки великие были. И никто не жаловался.

Трудные годы были, но какое веселье было. Люди, ну какие добрые в те годы были люди!..»

Апрель 1995 года

Блокнот журналиста

МАЛЕНЬКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

– Ты видел? – *ломает паутину моих мыслей Андреев и показывает на огонь костра.* – Да ты не видел...

Мы сидим под стенами разрушенной колокольни и варим суп.

– Андреев, ты своей жизнью, судьбой доволен? – *в свою очередь задаю вопрос.*

– Доволен я, Ген.

– Ты ведь совсем не любишь, чтобы жалели тебя?

– Боже упаси! У каждого своя судьба. И не дай Бог, ты человека начнешь жалеть. Он тебя может убить! За сожаление... К сожалению, – *отвечает Андреев, и смеется.* – Да, Генуль.

– Андреев, а зачем ты иногда молишься?

– Ген, на всякий случай. А может!.. А может да!.. А может быть! Ген, да мы все равно умрем. Все равно ты умрешь и я умру, какая разница? Но попробовать-то нужно! Понять! Хоть понять, да. Хоть понять. Чуть-чуть.

– Значит, любопытством живешь?

– Да! А как же, Гена! А как же, миленький ты мой! Попробовать-то хоть нужно! Попробовать. А вдруг? Ты понимаешь – а вдруг! А вдруг...

– Что вдруг?

– А вдруг – все! А вдруг – правда! А вдруг правда?

– Ну правда...

– Ну это для себя. Ты даже никому не расскажешь, тебя никто не поймет. Ты станешь рассказывать – над тобой смеяться будут. Как надо мной.

– В этом мире много бессмыслицы.

– В этом мире бессмыслица во всем. Во всем. Бессмыслица. Я вот считаю так.

– А гении?

– Да кто они такие есть? Они смысл жизни нашли? Нет. А смысл в том: откуда Мы пришли? и куда Мы идем? Этого не дано понять. Никому!

– Философия твоя мрачна, Андреев.

– Ну, конечно. Можно придумать любую философию, любую. Любую философию можно придумать и внедрить ее в жизнь. Даже религию можно придумать любую. Сейчас. Новую. Нового Господа можно придумать!.. Главного я не могу понять: откуда Мы пришли? куда Мы идем?.. Ген, мне нужно, мне нужно! Я хочу знать!

– Из обезьяны, конечно. По всем признакам.

– Неправда!

– Почему про обезьяну неправда?

– Нет!.. Ты Блавацкую читал, нет? Оказывается, были люди до нас! Люди – до нас! Люди с колоссальной физической силой! Сто тонн они могли спокойно передвигать. Сто тонн! Вот почему они жили как раз при динозаврах – они их били. То есть – приспосабливались. К той жизни. Но у них не было – мозгов!..

– Мало ума? Как у нас?

– Да... А может, и у нас мозгов нет. Просто живем – и все. А почему живем? Вот живем, может, ради этого – Космического Разума. А что он нам преподавал – неизвестно. Кто знает?

– А наша воля! А наш выбор!

– Ну, как же! Да, воля. Пожалуйста: мы можем с тобой напиться, нажраться! Это наша воля, – *Андреев смеется*. – А об остальном – извини!..

– Ген, Генуль, не ломай! Не ломай ты голову! Ты ее сломаешь. Не дано.

Чудной Андреев, с причудами. Мы сидим с Андреевым у костра. Только он и я.

– Если не дано знать, то значит не дано. Принимай просто как оно есть. Если начинаешь задумываться, ты понимаешь, когда начинаешь думать, это уже – ничто! Нужно эту жизнь принять как есть. Вот пришло – пришло. Ушло – ушло. Когда начинаешь задумываться, ты можешь башку сломать, с ума можно сойти! Прими как есть. Как оно есть, так и прими. Вот козявка полетела, видал? Вот букашечка. Ген, Генуль, когда-нибудь хоть один человек дошел до истины?

– Но...

– Да логики нет! Нет, Генуль, да седой ты мой! О чем мы с тобой говорим! Мы сейчас с тобой можем знаешь какую логику сделать! Логика – знаешь, что такое логика? Щас мы с тобой начнем размышлять, мы щас можем с тобой такую пирамиду сделать! А в принципе она карточная. Ее – фу! – раз, и она упала. Она упала вся. То есть не надо ничего. Ничего. Просто. Просто! Захотели – поехали. С тобой вот. Не захотели – не поехали. Да? Это просто, Гена! Это ерунда все! Любую философию можно разбить в пух и прах. Любую! Я ее разнесу любую. Ты ее щас мне дай – я любую философию разнесу в пух и прах. Не дано. И не надо.

– Так что ты разглядел в костре? Расскажи.

– Ген, я не буду. Я не буду говорить ничего. Это все ерунда. Да я знаешь что: я просто сидел и смотрел. Ну может, что-то у меня там схимичило, что-то, может, я там увидел по-своему, ты понимаешь чо? Ну это просто мне интересно. Мне интересно. Вот мне вообразилось, я сижу и смотрю. Я на них. Они на меня. И сижу и все. Вот так вот. Мне просто интересно было.

– На нас похожие? – *я догадываюсь, о чем Андреев хочет сказать*.

– Да! Абсолютно такие же. И маленькие-маленькие! Знаешь, какие... Ген, но, может, ты это... Но я ж не дурак...

Чем мне нравится эта дружба? Отчего именно с ним, с Андреевым, я сошелся так близко теперь? Он сам напросился на командировку со мной. А я ценю эту дружбу. Он

человек, которому действительно что-то надо. Этим он отличается. И он не лжив перед самим собой – и этим тоже отличен от остальных. Он – одержим.

– А хочешь знать, кому я молюсь? Мож, я и не прав. Но у меня так, – *обращается ко мне Андреев*. – Есть Высокий Космический Разум. Есть Светлые Силы Иерархии при этом Разуме. Мне до лампочки: есть ли, были ли мессии. Христос-мессия, может, и был. Все вот эти Будды – вот. У меня есть одно: я молюсь Высокому Разуму! А знаешь, почему? Я сам рассуждал. Может, я и не прав. Вот смотри, я щас тебе расскажу... Нет, может, я и не прав. Но я молюсь так. И я, когда ложусь, говорю: Высокий Космический Разум, Светлые Силы Иерархии, ваша правда и сила – всегда! И во всем! И святится Имя ваше и придет Правда ваша – во веки веков!

А знаешь почему Разум есть? – *продолжает Андреев*. – Я тебе скажу. Вот смотри, Генуль: вот атом. (*Андреев пододвигает ближе к себе коровью лепешку.*) Оболочка там. Ну, не знаю, что там вращается. Ну это просто, знаешь что. Ну как тебе сказать. Это – абстрактно! Ну, это – придумали!.. А вот другой атом. (*Андреев показывает на вторую лепешку.*) Один атом от другого стоит на каком расстоянии? Примерно как наша Земля от Солнца. Согласен? Вот. А пустота? А пустота должна быть чем-то заполнена? Между! Между все равно чем-то заполнено! Природа не терпит пустоты! Не терпит, Генуль! Не терпит. Все равно что-то между ними (*Андреев показывает на коровьи лепешки.*) есть. А заполнено чем? Разумом!

Андреева я знаю давно. К его фантазерству я привык:

– Так что ты видел в костре, Андреев?

– Я маленьких человечков видел! Там целый городок у них был. Целый городок. И такой, знаешь: тучи свои, климат свой. И вот я сидел и смотрел, ты представляешь чо? Домишки свои маленькие – маленькие-маленькие! – вот такие вот, микро. Вот. И ручеек. И мост через ручей. И вот они вот так наклонились туда. Я думаю: что вы там хотите? рыбу, что ли, ловите? (*Андреев смеется.*)

– Андреев, иди к черту...

МУТЬ

*Беседа с Федором Мальшикиным,
певцом и композитором*

ТО, ЧТО я от него услышал, было во многом непривычно для слуха. Но, главное, в его крамольных мыслях кричала живая боль. Как и моя, та боль существовала в нем. Это и стало моим открытием. Среди Непонятности – я не один. Сильное чувство. И тревожный ракурс:

«Мы – русские. Как народ, мы должны понять: МЫ – РУССКИЕ. У нас свое государство, своя громадная историческая культура, огромная территория, большой генетический пласт, и мы достойны нормальной жизни.

Я против крайностей. Перечеркивать ничего нельзя. Но коммунистическая идея нивелировала всех нас. Коммунистическая идея и предназначалась для нивелировки народов, чтобы они забыли себя: вы все равны, пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А мы хотим выразиться как нация. В Европе, в Азии – мы везде унижены. Мы – аморфная масса. Советский народ какой-то. Размазано. Хотя нация очень многочисленная, генетически устойчивая. Она способна встать с колен, способна построить красивые города. У нас самые красивые женщины в мире, самая красивая территория, ресурсы огромны.

Народ, народности – их много. Понятие нации возникает, когда у народа появляется идейная цель, побуждающая этот народ к определенному действию. Появляется сверхидея,

сверхэнергия. Вот тогда формируется нация. У нее глобальная цель. Тогда народ превращается в нацию. Русская нация формировалась на основе православной идеи. Нация смогла размножиться, захватить определенное пространство.

А нас втягивают в американизированную модель, в ловушку, чтобы вновь нивелировать: **МЫ – НИЧТО**. Среднестатистический тип американского оболтуса (существует даже такой термин) кому-то нужен. Тип человека, ценности которого четко вычерчены, он управляем: жвачками, машинами, квартирами. Ценности, которые вложены в этого человека, регулируемые. Поэтому сейчас их задача – разрушить наше самосознание, нашу государственность, завести нас в стандартные рамки, что и происходит. Разрушить нашу духовность – духовность нам не позволяет быть управляемыми. Разрушить все ценности, на которых мы сформировались как нация. То есть дискредитировать идею православия: тогда у нас почва под ногами теряется, мы становимся простыми – и связи между нами уже нет. Мы станем американским оболтусом. Дадут нам жвачку в рот, чтоб мы жевали. Дадут тебе автомобиль, квартиру дадут – и ты будешь зависим полностью. Не только материально, но и психологически: сломают твою психологию, и ты: уже не будешь рассуждать о высоких материях. На конвейере будешь пахать. Потом придешь с конвейера, вляпишься в ущербный фильм, который ломает тебя. Кинушку-порнушку тебе будут крутить, будешь думать о каких-то суженных ценностях. Новые формы эксплуатации человека человеком. Когда человек думает, что он свободен, а на самом деле он крайне эксплуатируем. А он думает, что он свободен. Нас могут тоже сделать «счастливыми американцами».

Удары эти производились давно, в частности революция. Генетически был срезан верхний слой, был вырезан носитель мысли, генов, чести. Мысли всех классов были убиты: дворянства, чиновничества, армии, кого угодно, интеллигенции, мудрых людей, казачества. Все, что в течении тысячелетий формировалось, было срезано и фактически уничтожено, брызги которого сейчас остались. Муть, которую мы сейчас наблюдаем. Удар был произведен. Удар сильный. Потери огромнейшие, невероятные. Великая Отечественная война – все те же игры. Я не углубляюсь в частности, я стараюсь говорить масштабно. Мы теперь должны очень-очень большой период прожить, чтобы снова восстановить в нас, русских, тот верхний слой.

На текущий момент мы находимся в новом разгаре этой жестокой войны. Насаждается профанация публики, зомбирование. Народ этих вещей во многом не понимает и фактически живет хаотически. Хотя внутренне, подсознательно, может быть, он до чего-то и дойдет.

Согласен, порядок в мире должен быть. Мир должен быть управляем. Но как часть особи русской, я не хочу, чтобы это происходило за мой счет. Лучше сделать порядок, в котором бы мы играли ведущую роль. А не то, чтобы за счет нас этот порядок существовал. Значит, мы должны противостоять силам, которые хотят нас ввести в прежнее состояние.

У нас свой путь. И самовыразиться мы должны по-своему. Какая идея может консолидировать нас? Я скажу: нам нужен всего лишь Наш Идеал.

Вот такая муть, и очень много всего. Вот в трех словах».

Апрель 1994 года

**БЕСЕДА С НАСТОЯТЕЛЕМ ХРАМА ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЕЙ, ОТЦОМ
ВАСИЛИЕМ**

(Встреча первая)

ИСПОВЕДУЙ, СВЯЩЕННИК, МЕНЯ

Святой отец. Говорят, над Россией Бога нет. Говорят, его живьем изжарили большевики на своих кострах. Верно ли?

А кто говорит? Те, кто не верит в Бога. Россия это новый Израиль. Русские – новый богоизбранный народ. Те испытания были испытанием Бога. Не все его прошли.

Нательные кресты, в которые не вложен подобающий смысл... Крещение... Мода на Бога. Если и меня окрестить, разве от этого на небесах Бог появится? Меня разочаровывают люди, еще недавно молившиеся другому. Пластилиновые души. Я думаю о россиянах... Откуда во мне такая злость?

А ведь Господь учит любить не только близких. И у того, кто злится, есть тоже слабости, значит и на него должны злиться, и его осуждать...

Озлобленность сейчас у многих. Нет христианского мировосприятия. Мы потеряли идеалы христианства. Идеалы выбили из нас. Что осталось от прежних десятилетий? Пустота.

И все же в какой-то мере каждый человек верит. Верят все. Не обязательно в Бога – в Природу. Природа это и есть Бог. Креститься же идут по традиции и, дай Бог, может, и придут к Храму.

Мода? Да. Особенно это заметно у отдельных начальников: вера без дел мертва...

Мы целиком состоим из прошлого. А перестройка – это смена понятий. Мы словно стадо растерянных существ. Так нам не выбраться из перестройки. Что дала на текущий день перестройка? По разумению человека «низа», она легализовала лишь пока воровство. К честному труду я начинаю все чаще испытывать неприязнь, как к занятию бессмысленному, угнетающему в человеке веру в разумность и справедливость.

Апостол Павел говорил: «Вера без дел мертва». Мы ведь работаем не только на себя – и для людей. Нечестный труд – грех, за который придется отвечать. А если человеческая душа бессмертна, значит, отвечать придется вечно. Не ищите легких путей – легкий путь ведет в никуда. Человек рождается, можно сказать, в труде и должен заниматься им честно.

Злости нет. Досада есть. Все это пройдет, когда люди начнут думать о будущем.

Марксизм – отмирающий идол. Он стал ненужным. Гораздо утешительнее выглядит религия, где за послушание Богу обещан рай, где просьбу «дай» удовлетворяют. Но мы состоим из прошлого. ДАЙ – вот слово из лексикона раба! Вспомните: Дай зарплату! Дай квартиру! А дачу в придачу! Так в идеальной теории выглядел Счастливый День. ДАЙ – вот, восклицаю брезгливо, слово из лексикона раба!

Раб. Раб Божий! Мы можем только у Бога просить. Но не просто просить, нужно заслужить делами добрыми. Можно, конечно, просить авансом, но, мне кажется, толку в этом мало. Дай – не только из рабской речи. Богатые тоже говорят это слово, и даже чаще, чем рабы. Не просто «дай», а по делам своим проси.

Наше прошлое не только советское. Мы созданы Богом, и человек способен думать. Есть предки, род наш, и предавать веру предков не по-человечески.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.